

ПРАВО

Научная статья
УДК 342.53
doi: 10.17223/15617793/516/22

Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти и парламентаризм

Людмила Геннадьевна Коновалова¹

¹ *Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, vaskova82@yandex.ru*

Аннотация. Отмечается проблема злоупотребления органами исполнительной власти полномочиями по установлению показателей эффективности своей деятельности, приводящая к искажению юридических конструкций, заложенных в законодательстве. Предлагается расширить участие парламента в определении критериев оценки эффективности органов исполнительной власти, усилить парламентский контроль за их реализацией, наделить суды функциями по проверке обоснованности принимаемых органами управления актов.

Ключевые слова: оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти, показатели, разделение властей, парламентаризм, законодательство

Для цитирования: Коновалова Л.Г. Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти и парламентаризм // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 196–204. doi: 10.17223/15617793/516/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/22

Assessing the effectiveness of executive authorities and parliamentarism

Lyudmila G. Kononova¹

¹ *Altai State University, Barnaul, Russian Federation, vaskova82@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes contemporary approaches to the legal regulation of assessing the effectiveness of executive government bodies. The author employs an analysis of regulatory acts in the relevant field, established enforcement practices, and the opinions of various scholars on improving the institutions under consideration. It is noted that many states strive to ensure the "effective" work of their national bureaucracies; however, a common problem is the abuse of authority by executive bodies in establishing performance indicators for their own work, leading to a distortion of the legal constructs enshrined in legislation. This is attributed to the fact that: (1) clear conceptions of what constitutes "effectiveness" of executive bodies and, accordingly, how to evaluate it, have not been developed to date; (2) the issue of establishing criteria for performance indicators and their assessment is delegated to the executive bodies themselves. The author considers this situation critical, as management by indicators becomes a primary manipulative lever for executive bodies to exert influence over their respective domains, since the assessment of performance indicator fulfillment is used for making personnel decisions within agencies and for influencing subordinate institutions. In recent years, across almost all areas of governance, an uncontrolled proliferation of performance indicators has been observed, which excessively bureaucratizes the exercise of managerial functions by authorities and impedes the normal operation of state legal entities. To address this problem, it is proposed to turn to the constitutional-legal concept of parliamentarism, which implies the construction of a balanced state mechanism with a genuine role for parliament within the system of separation of powers. Accordingly, the author deems it necessary to strengthen parliament's participation in defining the criteria for the effectiveness of executive bodies and evaluating their performance, including by expanding the practice of engaging experts. Furthermore, the author suggests that it may be rational to endow courts with the function of reviewing the reasonableness (expediency) of acts adopted by executive bodies. This viewpoint is supported by examples from foreign experience. In terms of analyzing domestic legislation, the article examines procedures for assessing the performance of oversight and supervisory bodies, evaluating the effectiveness of senior officials, and the operation of regional control centers. The described examples demonstrate the irrationality of the legal instruments used, which are primarily based on secondary legislation and are not subject to genuine parliamentary control procedures.

Keywords: assessment of the effectiveness of executive authorities, indicators, separation of powers, parliamentarism, legislation

For citation: Kononova, L.G. (2025) Assessing the effectiveness of executive authorities and parliamentarism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 196–204. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/22

Разрастание бюрократического аппарата и усиление влияния органов исполнительной власти в системе разделения властей – неотъемлемая составляющая юридической действительности многих современных государств. В правовой доктрине эта проблема именуется «министерализмом», «административным государством», «властью бюрократии» [1, 2]. Соответственно, мировая правовая мысль предпринимает усилия для выработки юридических рычагов влияния на органы исполнительной власти с целью повышения продуктивности осуществления их полномочий, корректировки деятельности механизма государства под запросы общества. Одним из актуальнейших направлений в этом плане является постановка вопроса о критериях оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти и роли парламентов в их определении и последующем контроле.

Безусловно, задача оптимизации работы государственного механизма, повышения эффективности деятельности исполнительных органов ставилась в политической практике и юридической науке давно. Результатами постановки такой задачи стали теории разделения властей, конституционализма, правовой государственности, сервисного государства, государства всеобщего благоденствия, электронного правительства, открытого правительства, государственных услуг и т.д. Но именно в последние годы во многих странах стали приниматься нормативные акты, буквально закрепляющие требование для органов исполнительной власти работать эффективно, а также устанавливающие какие-то юридические параметры этой эффективности.

Так, Органический закон о федеральном государственном управлении Мексиканских Соединенных Штатов 1976 г. называет эффективность в качестве одного из принципов деятельности федеральных органов исполнительной власти и их нижестоящих территориальных структур. Органический закон о государственном управлении Боливарианской Республики Венесуэлы 2014 г. распространяет принцип эффективности как на государственное управление в целом, так и на распределение и использование государственных ресурсов. В Содружестве Австралии действует Закон о государственном управлении, эффективности и подотчетности 2013 г., предназначение которого состоит в установлении механизма обеспечения эффективности в деятельности субъектов государственного управления, ее соответствия высоким стандартам, правильного использования государственных ресурсов. В США в 1993 г. был издан Закон об эффективности и результатах работы правительства, требующий, чтобы независимые агентства правительства решали задачи управления эффективностью, такие как постановка целей, измерение результатов функционирования и ведение отчетности о совершенствовании деятельности [3. С. 92–99].

В Российской Федерации оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти является одним из ключевых направлений административной реформы. Еще при принятии «Концепции административной реформы в РФ в 2006–2010 годах»

планировалось добиться повышения эффективности деятельности органов исполнительной власти за счет внедрения принципов и процедур управления по результатам, реализации единой вертикально интегрированной автоматизированной системы мониторинга результативности деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления по достижению важнейших показателей социально-экономического развития Российской Федерации и исполнения ими своих полномочий (ГАС «Управление») [4].

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в РФ» устанавливает необходимость изменения с 1 марта 2022 г. оценки результативности деятельности контролируемых органов. Предполагается поставить ключевые показатели видов контроля в зависимость не от количества проведенных проверок, выявленных нарушений и собранных штрафов, а от уровня минимизации вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям в соответствующей сфере деятельности [5]. В Федеральном законе от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ» закреплены правила ежегодной оценки Президентом РФ показателей эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ и деятельности исполнительных органов субъектов РФ [6].

Однако правовое регулирование оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти сопряжено с рядом проблем.

Во-первых, к настоящему времени не выработано четких представлений о том, что такое «эффективность» деятельности органов исполнительной власти и, соответственно, как ее оценить. Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти представляет собой новое направление юридических исследований. Правовая наука не располагает масштабными наработками, обеспечивающими становление правового инструментария оценивания результативности деятельности органов исполнительной власти. Подобные темы в большей мере разрабатывались в плоскости экономических, социологических и математических наук.

Наиболее часто в научных работах по проблемам оценки эффективности государственного управления исследователи рассматривают понятийный аппарат таких категорий, как «эффективность», «результативность», «производительность труда», «затраты» и «результаты». Однако применительно к деятельности органов исполнительной власти термин «эффективность» как соотношение между достигнутым результатом и использованными ресурсами не всегда применим, так как сокращение бюджетных расходов на единицу оказываемой населению услуги или осуществляемой функции неизбежно приведет к снижению качества обслуживания и не может служить главным результатом повышения эффективности управления [7. С. 78].

Из анализа законодательства следует, что преимущественно эффективность деятельности органов исполнительной власти рассматривается через призму

стратегического планирования государства. То есть анализируется соответствие достигнутых показателей деятельности органов управления целям, предусмотренным актами стратегического планирования. При этом прослеживается явный запрос на необходимость оценки результатов работы конкретных органов, которые должны сопоставляться с намеченными показателями и целями, причем не в абстрактном формате (обеспечение безопасности и социально-экономического развития), а в выражении, отражающем реальное состояние находящейся в ведении органа сферы государственного управления.

Однако ответ на вопрос о том, как адекватно «измерить» параметры сферы управления с учетом влияния на нее деятельности органов исполнительной власти, остается дискуссионным. На примере близкой для юристов сферы – сферы преступности – это наиболее наглядно можно продемонстрировать, поскольку сферу преступности на протяжении десятилетий изучает такая наука, как криминология. Так вот, с позиции этой науки однозначно доказано, что на сферу преступности влияет не только деятельность органов внутренних дел, но и другие факторы, включая экономику, политическую ситуацию, гендерный состав населения, генофонд нации и т.п. Более того, одно и то же явление можно оценивать с разных методологических позиций. Так, можно утверждать, что рост преступности – это «плохо», так как органы внутренних дел плохо осуществляют превенцию. А можно, и наоборот, говорить, что рост преступности – это «хорошо», так как раскрываемость повышается. Еще сложнее обстоят дела с оценкой иных сфер общественной жизни, поскольку они отличаются сложными социальными связями и даже изучаются комплексом наук: политологией, психологией, биологией, медициной и др.

Во-вторых, на практике большинство нормативных актов либо лишь декларируют необходимость эффективной работы органов исполнительной власти, не раскрывая правовых механизмов, которые при этом должны использоваться, либо поверхностно регулируют механизмы оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти без активного участия парламента, предоставляя органам исполнительной власти чрезмерно большие prerogatives по манипулированию в этой сфере.

Например, мексиканский органический закон о государственном управлении 1976 г. лишь указывает на необходимость «эффективной борьбы с бедностью», «эффективного функционирования морских и речных портов», «эффективных государственных закупок», «эффективного производства и использования энергии» и др. Закон Венесуэлы о государственном управлении 2014 г. провозглашает необходимость эффективного выполнения целей и задач, установленных президентом в актах стратегического планирования. Ответственными за это являются центральные органы государственного управления, губернаторы и мэры сообразно их компетенции. Эффективность при использовании государственных ресурсов предполагает по закону возможность использования механизмов аутсорсинга, а

также лимитирования размера расходования бюджетных средств конкретными органами управления. В Канаде механизм оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти не возведен в ранг закона, а регламентируется подзаконными актами, основным из которых является Программа управления эффективностью 2018 г. Согласно этому акту, руководители высшего звена участвуют в повышении эффективности работы министерств на основании соглашения об эффективности, заключаемого с секретарем Тайного совета. Содержащиеся в нем обязательства показывают приоритетные области деятельности министерства в течение рабочего цикла в связке с планами работы данного органа. Они должны быть достижимы, ориентированы на результат и поддаваться измерению или иметь наглядное выражение. Каждое обязательство должно сопровождаться соответствующими показателями эффективности, представляющими собой данные, на основе которых можно определить, выполняются ли обязательства и насколько хорошо [3. С. 98].

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в РФ» при определении ключевых показателей видов контроля по существу отсылает к подзаконному регулированию этого вопроса, поскольку их целевые значения для видов государственного контроля утверждаются положениями о видах контроля, принимаемыми органами исполнительной власти. Получается, что сами органы исполнительной власти вырабатывают для себя показатели контрольно-надзорной деятельности. При этом в ходе реформы официально ставилась задача учесть в этих показателях изменения сферы контроля и снижение рисков в деятельности подконтрольных субъектов. Однако по утвержденным к настоящему времени индикативным показателям контрольной деятельности органов власти заметно, что в основном параметры оценки остались по-прежнему сопряженными с количеством выявленных нарушений, выданных предписаний или предостережений, числом жалоб и т.п. [8, 9].

В тех случаях, когда были предприняты попытки «привязать» работу контролирующих органов к параметрам проверяемой сферы, зачастую наблюдается нецелесообразность избранных ориентиров. Например, согласно Положению о федеральном контроле медицинской деятельности ключевым показателем контроля (надзора) является количество расхождений диагнозов по результатам патолого-анатомических вскрытий. По сути, данная норма подразумевает наличие причинно-следственной связи между каждым неправильным диагнозом (выявленным посмертно) и деятельностью контрольно-надзорного органа, однако этот орган в силу закона не участвовал ни в управлении, ни в оказании медицинской помощи [10]. В некоторых случаях органы исполнительной власти вырабатывают для оценки своей деятельности сложные формулы, адекватность показателей которых никак не обоснована и не позволяет наглядно представить результативность деятельности органа власти при их оценке. Например, такая формула используется в строительном надзоре [11].

В целом практика применения обновленного контрольно-надзорного законодательства демонстрирует нацеленность на снижение так называемого «индекса административного давления». Однако с позиций юридической науки это весьма спорный ориентир [12. С. 14], поскольку он очень часто своей оборотной стороной имеет незащищенность публичных интересов, так как не предполагает адекватной защиты от противоправных действий предпринимателей. И какого-то аналогичного «индекса» для измерения ущерба публичным интересам со стороны предпринимателей органы исполнительной власти не придумали.

Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ», закрепивший правила оценки эффективности деятельности исполнительных органов субъектов РФ, также демонстрирует юридический прием переадресации сложного вопроса о параметрах оценки к подзаконному регулированию. В частности, развитию этого закона способствует Указ Президента РФ от 4 февраля 2021 г. № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ и деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ» [13]. В этом Указе в качестве показателей оценки закреплены такие параметры, как доверие к власти в субъекте РФ, численность населения субъекта РФ, уровень бедности, доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, объем жилищного строительства, качество городской среды, темп роста (индекс роста) реальной среднемесячной заработной платы и др. Безусловно, такие ориентиры в оценке деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ выглядят весьма привлекательными, однако с позиции юриспруденции большинство из них не входит в компетенцию органов исполнительной власти субъектов РФ или же могут иметь непрозрачные и манипулятивные методики подсчета, что, к примеру, ярко проявляет себя в подсчетах «средних» заработных плат граждан.

Еще один пример необдуманного подзаконного регулирования оценочной деятельности в отношении органов исполнительной власти в России – создание центров управления регионами. Это такие организации, которые призваны осуществлять мониторинг взаимодействия органов власти с гражданами через социальные сети, мессенджеры и иные средства электронной коммуникации. Лейтмотивом их создания явилось поручение Президента РФ [14], для продвижения которого было принято Постановление Правительства о создании за счет бюджета России автономной некоммерческой организации по развитию цифровых проектов в сфере общественных связей и коммуникаций «Диалог Регионы», курирующей работу в субъектах РФ центров управления регионами [15]. Так, в Алтайском крае Центр управления регионом учрежден Указом губернатора и представляет собой весьма нетрадиционную правовую конструкцию – «проектный офис, включающий в свой состав представителей органов исполнительной власти Алтайского края, подведомственных

им учреждений, представителей автономной некоммерческой организации по развитию цифровых проектов в сфере общественных связей и коммуникаций “Диалог Регионы”» [16]. С одной стороны, подобное внимание государства к социальным сетям выглядит современным и способно сформировать у граждан более позитивный образ органов управления. Однако, с другой стороны, такое юридическое оформление отношений повлекло за собой фактическое установление незакрепленной в законодательстве обязанности органов публичной власти вести свои страницы в соцсетях; возможность центров управления регионами неформально влиять на органы власти, включая внедрение правил, вступающих в противоречие с действующим законодательством (например, в части сроков рассмотрения обращений); формирование прецедента образования государством незакрепленных в законодательстве структур – «проектных офисов». Следует отметить, что до настоящего времени не определены правовые последствия для органов власти, которые по аналитическим данным центров управления регионами находятся на низких строках рейтинга.

Представляется, что сложившаяся ситуация в части правового регулирования показателей деятельности органов исполнительной власти становится весьма критичной, поскольку предполагает фактически бесконтрольные возможности органов управления по установлению и оценке этих показателей. Получается, что органы исполнительной власти сами для себя и для своих подведомственных учреждений устанавливают показатели деятельности, потом сами их анализируют и придумывают для себя же последствия их неисполнения. При этом метод управления через показатели становится важнейшим рычагом воздействия на подконтрольную сферу, так как оценка исполнения показателей используется для принятия кадровых решений в ведомствах, а также для влияния на подведомственные учреждения.

За последние годы практически во всех сферах управления отмечается бесконтрольный рост показателей деятельности, которые чрезмерно бюрократизируют осуществление управленческих функций органами власти и мешают нормальной работе государственных юридических лиц. Это становится актуальным для жизненно важных сфер, включая здравоохранение, образование, транспорт, связь и т.п. Исследователи отмечают, что критерии и показатели эффективности деятельности государственных служащих и работников учреждений недостаточно проработаны, а их применение носит формальный характер, а также зачастую приводит к дискриминации сотрудников и нерациональному управлению [17. С. 223; 18. С. 6; 19. С. 8–18].

Более того, подзаконное регулирование показателей деятельности органов исполнительной власти позволяет менять юридические конструкции, заложенные законодательством. В частности, государственные служащие во многих ситуациях в большей степени мотивированы исполнять требования показателей, нежели добиваться реального исполнения предусмотренных законом полномочий. Поэтому при формули-

ровке показателей центральные аппараты органов исполнительной власти способны злоупотреблять возможностями по определению фактических направлений работы ведомств и концентрации усилий на решении каких-то вопросов.

При этом наблюдается усиление юридического давления на служащих через систему показателей. Например, многие органы исполнительной власти в своих актах закрепляют возможность снижения надбавок к окладу служащим за неисполнение или ненадлежащее исполнение показателей деятельности, хотя это и не предусмотрено в законе [20]. Такая практика является весьма спорной, поскольку с формально-юридической точки зрения снижение надбавки за особые условия гражданской службы решением представителя нанимателя в случае неисполнения показателей ставит вопрос о допустимости одностороннего изменения существенных условий служебного контракта, а также вопрос о том, а можно ли исполнение показателей рассматривать как составляющую «условий службы». Кроме того, подобные конструкции являются явно манипулятивными, так как распределение дел, влияющих на оценку показателей, производится самим же представителем нанимателя. И не исключена ситуация, когда «сложные» и «легкие» категории дел будут передаваться с учетом пожеланий руководителя по решению тех или иных кадровых вопросов.

Также следует отметить, что отчужденность отечественного парламента от решения вопросов, связанных с показателями деятельности, и передача этих полномочий всецело органам исполнительной власти влекут за собой неэффективность осуществления парламентских функций. В этом случае недостаточно эффективным становится законодательная функция парламента, поскольку органы исполнительной власти через показатели деятельности корректируют в нужном им русле практику применения законов. Также страдает контрольная функция парламента, так как парламент не ставит перед собой задачу усомниться в адекватности представленной органами исполнительной власти информации о параметрах их деятельности. В свою очередь, неэффективное правотворчество и контроль порождают проблемы в реализации представительной функции парламента, так как в этом случае не реализуется запрос граждан на адекватное представительство их интересов.

Ярким примером в этом плане является осуществление парламентских полномочий по регулированию контрольно-надзорной деятельности государства. Казалось бы, парламент надлежащим образом реализовал свои полномочия, приняв обновленное законодательство о государственном контроле и об обязательных требованиях, закрепив в нем ориентацию за запрос общества о минимизации административного давления, рискоориентированном подходе при проведении проверок, цифровизации сферы контроля [5, 21]. Однако передача полномочий органам исполнительной власти по регулированию показателей своей контрольно-надзорной деятельности приводит к тому, что предусмотренные законом ежегодные доклады Государ-

ственной Думе о государственном контроле в Российской Федерации превращаются в некое формальное одобрение парламентом произведенной органами исполнительной власти оценки своей деятельности через систему установленных самими органами исполнительной власти показателей, ориентиров и формул. Парламент не демонстрирует свою осведомленность о массовых проблемах, возникающих в обществе в связи с реализацией законодательства о контроле. В то время как такие проблемы есть, они широко обсуждаются, и настолько существенны, что позволяют некоторым ученым говорить о «профанации» реформы органами исполнительной власти, о том, что это направление реформы является «провальным», «удостоверяющим собственную беспомощность органов публичной власти» [22 С. 34; 23. С. 19; 24. С. 20]. Но в этих условиях при заслушивании Сводного доклада о государственном контроле в Государственной Думе не высказывается никаких критических замечаний к работе органов исполнительной власти [25].

С учетом изложенного напрашивается предложение более активно использовать для оценки эффективности органов исполнительной власти конституционно-правовую теорию парламентаризма. Эта теория предполагает построение сбалансированного государственного механизма с реальной ролью парламента в системе разделения властей. При множестве подходов к пониманию парламентаризма наиболее часто в качестве признаков парламентаризма называются: верховенство закона; разделение властей с четко обозначенными и реальными полномочиями парламента; участие парламента в формировании органов исполнительной, судебной и иных ветвей власти; подотчетность исполнительной власти парламента; особый статус депутата со свободным мандатом и ответственностью перед законом; многопартийность и обеспечение связи населения с механизмом государства; независимость судебной власти [26. С. 3–19; 27. С. 55–60]. Соответственно, представляется, что в условиях реализации подобных признаков парламентаризма возможно и более оптимальное решение вопроса об оценке эффективности органов исполнительной власти.

В частности, опыт отдельных зарубежных стран демонстрирует позитивный эффект от расширения участия парламента в решении вопросов эффективности органов исполнительной власти. Например, достаточно подробное регулирование оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти содержится в законодательстве Австралии и США. Оно основано на обязательствах органов исполнительной власти планировать свою деятельность с использованием методик оценивания достижения поставленных целей и задач, с определением графика оценочных мероприятий и необходимости предоставления отчетной информации в парламент, а также на осуществлении внутреннего и внешнего контроля за реализацией программных мероприятий [3. С. 92]. При этом в США закреплена еще и обязанность органов исполнительной власти консультироваться не реже одного раза в два года с законодательным органом и его специальными

комитетами по вопросам содержания планов эффективности, а также права Административно-бюджетного управления согласовывать, корректировать и оценивать выполнение программных документов органов исполнительной власти. Если по мнению Административно-бюджетного управления ведомство не достигло целевых показателей эффективности в течение двух последовательных финансовых лет, то это ведомство должно представить в Конгресс описание действий, которые администрация предпримет для улучшения результатов, включая предлагаемые изменения в законодательстве или запланированные действия исполнительной власти с обязательным согласованием финансирования предполагаемых проектов [28].

Позитивных оценок исследователей заслужил скандинавский опыт работы органов исполнительной власти, действующих в условиях официального признания концепции парламентаризма. Например, М.А. Исаев полагает, что эти государства являются «олицетворением культа эффективности национальной бюрократии» [29. С. 105]. Высказывается предположение, что такая эффективность обуславливается активным применением «политики с относительно сильным государством и активным и просвещенным использованием экспертов различного рода в рамках демократического управления с помощью закона» [30. С. 49]. Административное решение здесь на любых этапах государственной власти и управления вырабатывается не на основе усмотрения чиновника, а на основании проанализированного с точки зрения науки предмета и с активным привлечением общественных организаций (корпораций). Успеху во многом содействует не прямое парламентское регулирование, а формирование правовых обычаев – осознанных образцов действия органов государственной власти исходя из стремления к рациональности, социального благоденствия [31. С. 287].

Вместе с тем рост государственного аппарата и усложнение сфер управления коснулись и скандинавских стран. Правительства учреждают новые департаменты (министерства), определяют их структуры, компетенцию и формы деятельности, а потом сами же становятся зависимыми от компетентности и качества работы профессиональной бюрократии этих структур. Только в Швеции перечень департаментов и порядок их работы устанавливается законом. Но помимо департаментов правительства создают множество иных ведомств – управлений, бюро, контор и др. Например, в Швеции наряду с департаментом социальных дел смежные вопросы решают управление общественного благосостояния, управление охраны труда, ведомство государственного страхования, пенсионное управление, управление рынка труда [31. С. 287]. Прослеживается явная потребность в более предметном парламентском регулировании сферы устройства органов исполнительной власти и углублении парламентского контроля за их деятельностью. Однако важно отметить, что в этих странах именно на уровне закона осуществляется установление системы центральных и местных органов управления, основ их правового статуса и деятельности [31. С. 167]. Поэтому вопрос эффективности модели государственного управления не отдается на

усмотрение самой бюрократии, а предопределяется парламентом.

Говоря об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти через призму теории парламентаризма, не следует забывать о том, что все признаки парламентаризма действуют комплексно, и эта теория не сосредоточена лишь на анализе правового статуса парламента. Соответственно, решению задачи эффективной работы органов исполнительной власти может способствовать не только парламентское участие в разработке показателей эффективности органов исполнительной власти, парламентский контроль и парламентское бюджетирование расходов. Этой цели может служить и сама система разделения властей, в том числе масштабным может быть влияние судов на продуктивность работы исполнительных органов.

Так, в зарубежной правовой доктрине судебное участие в повышении эффективности деятельности органов исполнительной власти выводится далеко за пределы формального разрешения споров в рамках административной и конституционной юстиции. Предлагается ставить вопрос о так называемой дееспособности государства, под которой подразумевается возможность и способность органов исполнительной власти продуктивно решать управленческие задачи в условиях разделения властей. «Дееспособность государства» направлена на формирование способности действующего правительства разрабатывать и осуществлять политику, которая, по мнению его лидеров, улучшает национальное благосостояние и иным образом позитивно влияет на общественные отношения. Поэтому предполагается, что взаимодействие между органами исполнительной власти и парламентом не должно влечь частые кризисы и предполагать определенные границы самостоятельности принятия решений бюрократическим аппаратом. Но наибольший акцент в этой теории делается на способности суда наращивать потенциал эффективного управленческого воздействия государственного механизма на общественные отношения [32, 33].

Особые надежды авторы теории возлагают на способность судов корректировать программную работу органов исполнительной власти. В качестве иллюстрации подобного воздействия можно привести следующие примеры. Так, в 2018 г. в Индии была разработана новая система социального обеспечения, но на практике она стала страдать от коррупции в момент доставки. Опираясь на доступность новых технологий, правительство Индии разработало систему биометрической идентификации. Это повысило точность предоставления социальных услуг, но также поставило под угрозу неприкосновенность частной жизни граждан. Верховный суд Индии признал систему биометрической идентификации конституционно допустимой при условии, что она будет реализована с определенными гарантиями от вторжений в частную жизнь. Или в 2009 г. Верховный федеральный суд Бразилии вынес принципиальное решение, скорректировавшее работу правительства в части обеспечения лекарствами населения. Проблема заключалась в том, что Министерство здравоохранения вело список лекарств, которые предоставлялись бразильцам бесплатно. Бразильские

судьи нижестоящих судов регулярно выносили решения в пользу включения в этот список дополнительных пациентов, нуждающихся в жизненно важных лекарствах. Такая практика поставила вопрос об ограниченности бюджетных ресурсов, поскольку треть бюджета министерства стала тратиться на приобретение лекарств в ущерб иным направлениям работы. В итоге решение Верховного суда Бразилии оказалось ограничительным, в нем были «предоставлены руководящие принципы» для использования судами в делах о праве на лекарства, исключившее практику однозначного признания правомерными требований заявителей [33]. Это решение способствовало изменению программной работы Министерства здравоохранения, не лишая при этом его управленческого потенциала.

Традиционно значимое место роли судов в обеспечении эффективного функционирования органов исполнительной власти отводится в американской правовой доктрине и практике. Это связано с полномочиями судов по пересмотру правовых актов органов исполнительной власти (агентств). Стандарт пересмотра включает в себя два действия суда: «проверку законности» и «анализ рациональности» принятых органами исполнительной власти актов. Проверка законности предполагает возможность судов признавать недействительными действия агентств, которые нарушают юридические ограничения их деятельности, включая границы делегированного законодательства, конституционные или законодательные положения, процедуры принятия актов. Проверка рациональности дает право судам контролировать то, как именно агентства реализуют данные им полномочия, т.е. по существу оценивать эффективность принимаемых ими мер. Проверка рациональности направлена на рассмотрение причин, обосновывающих целесообразность принятия властных решений административными органами. В случае проверки рациональности суд должен действовать с учетом принципа «уважения» к органам исполнительной власти и признания их самостоятельности в вопросах, отнесенных законом исключительно к решению на усмотрение агентств. Поэтому при проверке рациональности всегда должны использоваться «существенные доказательства», требующие «тщательного и глубокого обзора» [2].

И хотя в последние годы делегация полномочий органам исполнительной власти США со стороны парламента носит в основном общий характер, предполагающий свободу действий агентств «в общественных интересах», судебная проверка рациональности существенно способна повышать качество и мотивированность принимаемых органами исполнительной власти актов. На практике процедура проверки рациональности зачастую имела позитивные последствия для изменения управленческих подходов в деятельности органов исполнительной власти, в том числе в сферах транспортной безопасности, защиты окружающей среды, экономики. В то же время имеется и негативный аспект проверки судами эффективности деятельности органов управления, именуемый «регулятивной косностью». Дело в том, что проверка рациональности способна создать излишнюю озабоченность ведомств мотивировкой своих решений в расчете на возможные судебные тяжбы в будущем. Это сковывает инициативу ведомств и заставляет агентства затягивать принятие актов с целью публикации подробных отчетов в поддержку своих решений [2]. Однако в целом расширение функций судов по контролю за обоснованностью принятия управленческих решений для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти следует признать позитивным и возможным к использованию в России.

Таким образом, в настоящее время вопрос об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти требует более тщательного осмысления через призму конституционно-правовой науки с учетом достаточно развитой концепции парламентаризма. Требуется на доктринальном уровне более четко определиться с возможными критериями оценки эффективности органов исполнительной власти для целей последующего законодательного регулирования этой сферы. Недопустимо оставлять вопросы определения показателей деятельности и их оценки на ведомственном уровне, поскольку подобная практика искажает юридические конструкции, заложенные в законодательстве, вынуждая государственных служащих действовать в направлениях, указанных разработчиками показателей. Актуальным является расширение экспертной работы при парламентах в выработке и оценке показателей деятельности органов исполнительной власти. Рациональным может быть наделение судов функциями по проверке обоснованности (целесообразности) принимаемых органами исполнительной власти актов.

Список источников

1. Ekins R. The Balance of the Constitution // The American Journal of Jurisprudence. 2022. Vol. 67, Is. 2. P. 199–222. doi: 10.1093/ajj/auac014
2. Reitz J.C. Deference to the Administration in Judicial Review // The American Journal of Comparative Law. 2018. Vol. 66, Is. Suppl 1. P. 269–298. doi: 10.1093/ajcl/avy014
3. Медведев Б.А. Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти по законодательству зарубежных государств // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 3 (146). С. 92–99.
4. Распоряжение Правительства РФ от 25 октября 2005 г. № 1789-р (ред. от 10 марта 2009 г.) «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 46. Ст. 4720.
5. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в РФ» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.
6. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.
7. Чазова И.Ю., Израилов М.В. Оценка эффективности деятельности органов государственной власти // Вестник Удмуртского университета. 2019. Т. 29, вып. 6. С. 77–79.
8. Приказ МВД России от 8 декабря 2021 г. № 1012 «Об утверждении индикативных показателей для федерального государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения» // СПС КонсультантПлюс.
9. Приказ Минтруда России от 23 декабря 2021 г. № 910 «Об утверждении перечня индикативных показателей, применяемых при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. 2022. № 2.

10. Постановление Правительства РФ от 29 июля 2021 г. № 1048 (ред. от 30 ноября 2021 г.) «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) качества и безопасности медицинской деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>
11. Постановление Правительства РФ от 30 июня 2021 г. № 1087 (ред. от 23 декабря 2021 г.) «Об утверждении Положения о федеральном государственном строительном надзоре» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 28 (ч. I). Ст. 5517.
12. Абакумова Е.Б. О некоторых правовых проблемах государственного контроля предпринимательской деятельности // Вестник арбитражной практики. 2023. № 4. С. 14.
13. Указ Президента РФ от 4 февраля 2021 г. № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ и деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 6. Ст. 966.
14. Поручения Президента Российской Федерации от 1 марта 2020 г. № Пр-354 по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по развитию местного самоуправления // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru>
15. Постановление Правительства РФ от 16 ноября 2020 г. № 1844 (ред. от 9 декабря 2023 г.) «Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета автономной некоммерческой организации по развитию цифровых проектов в сфере общественных связей и коммуникаций «Диалог Регионы» на создание и обеспечение функционирования в субъектах РФ центров управления регионов и Правил создания и функционирования в субъектах РФ центров управления регионов» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 47. Ст. 7545.
16. Указ Губернатора Алтайского края от 14 октября 2020 г. № 179 «О создании и функционировании центра управления регионом в Алтайском крае» // Официальный интернет-портал правовой информации. 14.10.2020. URL: <http://www.pravo.gov.ru>
17. Сергеев А.Л. Конституционно-правовое регулирование реформы образования в России: проблемы и перспективы // Lex russica. 2017. № 2. С. 223–228.
18. Шевелева Н.А., Васильев И.А. Оценка действующей модели субсидирования государственного задания подготовки кадров по уровням высшего образования // Финансовое право. 2019. № 12. С. 6–13.
19. Сулейманова Ф.О. Реформирование системы оплаты труда в бюджетной сфере (на примере медицинских работников) // Юстиция. 2016. № 4. С. 8–18.
20. Приказ Росстата от 14 ноября 2013 г. № 445 «Об утверждении Положения о премировании, установлении надбавки к должностному окладу за особые условия гражданской службы, оказании материальной помощи и иных выплат федеральным государственным гражданским служащим Федеральной службы государственной статистики» // Российская газета. 2014. 5 февраля.
21. Приказ Роспотребнадзора от 23 марта 2009 г. № 298 (ред. от 11 ноября 2020 г.) «Об утверждении Положения о порядке выплаты ежемесячной надбавки к должностному окладу за особые условия федеральной государственной гражданской службы, премирования, оказания материальной помощи, выплаты единовременного поощрения за безупречную и эффективную гражданскую службу и единовременной выплаты при предоставлении ежегодного оплачиваемого отпуска» // Российская газета. 2009. 29 апреля.
22. Летунский В.В., Агеев А.А. Некоторые проблемы реализации мероприятий «регуляторной гильотины» // Административное право и процесс. 2021. № 1. С. 34–42.
23. Евдокимов А.С., Надежкина Г.П. «Регуляторная гильотина», совершенствование системы обязательных требований как направления реформирования контрольной и надзорной деятельности России // Административное право и процесс. 2022. № 5. С. 19–23.
24. Любимов Ю., Новак Д., Цыганков Д., Нестеренко А., Варварин А., Ибрагимов Р., Жаркова О., Москвитин О., Маслова Н., Верле Е. Регуляторная гильотина // Закон. 2019. № 2. С. 20–36.
25. В Государственной Думе прошел «правительственный час» с участием Дмитрия Григоренко // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. 12.07.2023. URL: <http://duma.gov.ru/news/57495/>
26. Авакьян С. Парламентаризм в России: идеи и решения // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2006. № 2. С. 3–19.
27. Ализода З. К вопросу о понятии и признаках парламентаризма // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 5. С. 55–60.
28. The Government Performance and Results Act of 1993 (GPRA) // Официальный сайт Конгресса США. URL: <https://www.congress.gov/bill/111th-congress/house-bill/2142/text?overview=closed> (дата обращения: 21.08.2023).
29. Исаев М.А. Модернизация материальной конституции: опыт Норвегии // Государство и право. 2021. № 1. С. 105–114.
30. Скирбекк Г. Норвежский менталитет и модернизм. М.: РОССПЭН, 2017. 198 с.
31. Могунова М.А. Скандинавский парламентаризм: теория и практика. М.: Издательский центр РГГУ, 2001. 348 с.
32. Endicott T. The Purpose of a State // The American Journal of Jurisprudence. 2021. Vol. 66, Is. 1. P. 69–83. doi: 10.1093/ajj/auab007
33. Khosla M., Tushnet M. Courts, Constitutionalism, and State Capacity: A Preliminary Inquiry // The American Journal of Comparative Law. 2022. Vol. 70, Is. 1. P. 95–138. doi: 10.1093/ajcl/avac009

References

1. Ekins, R. (2022) The Balance of the Constitution. *The American Journal of Jurisprudence*. 67 (2). pp. 199–222. doi: 10.1093/ajj/auac014
2. Reitz, J.C. (2018) Deference to the Administration in Judicial Review. *The American Journal of Comparative Law*. 66 (Suppl 1). pp. 269–298. doi: 10.1093/ajcl/avy014
3. Medvedev, B.A. (2022) Otsenka effektivnosti deyatelnosti organov ispolnitel'noy vlasti po zakonodatel'stvu zarubezhnykh gosudarstv [Assessment of the Effectiveness of Executive Authorities under Foreign Legislation]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 3 (146). pp. 92–99.
4. Russian Federation. (2005) Rasporyazhenie ot 25 oktyabrya 2005 g. № 1789-r (red. ot 10 marta 2009 g.) "O Kontseptsii administrativnoy reformy v Rossiyskoy Federatsii v 2006–2010 godakh" [Order No. 1789-r dated October 25, 2005 (as amended on March 10, 2009) "On the Concept of Administrative Reform in the Russian Federation in 2006–2010"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 46. Art. 4720.
5. Russian Federation. (2020) Federal'nyy zakon ot 31 iyulya 2020 g. № 248-FZ "O gosudarstvennom kontrole (nadzore) i munitsipal'nom kontrole v RF" [Federal Law No. 248-FZ dated July 31, 2020 "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 31 (1). Art. 5007.
6. Russian Federation. (2021) Federal'nyy zakon ot 21 dekabrya 2021 g. № 414-FZ "Ob obshchikh printsipakh organizatsii publichnoy vlasti v sub'ektakh RF" [Federal Law No. 414-FZ dated December 21, 2021 "On the General Principles of Organization of Public Power in the Subjects of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 52 (1). Art. 8973.
7. Chazova, I.Yu. & Israilov, M.V. (2019) Otsenka effektivnosti deyatelnosti organov gosudarstvennoy vlasti [Assessment of the Effectiveness of Public Authorities]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. 29 (6). pp. 77–79.
8. RF Ministry of Internal Affairs. (2021) Order No. 1012 dated December 8, 2021 "On the Approval of Indicative Indicators for Federal State Control (Supervision) in the Field of Road Traffic Safety". [Online] Available from: SPS "KonsultantPlyus". (In Russian).
9. *Byulleten' trudovogo i sotsial'nogo zakonodatel'stva RF*. (2021) Order No. 910 dated December 23, 2021 "On the Approval of the List of Indicative Indicators Used in the Exercise of Federal State Control (Supervision) over Compliance with Labor Legislation and Other Regulatory Legal Acts Containing Labor Law Norms". 2. (In Russian).
10. Russian Federation. (2021) Decree No. 1048 dated July 29, 2021 (as amended on November 30, 2021) "On the Approval of the Regulation on Federal State Control (Supervision) of the Quality and Safety of Medical Activities". [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru> (In Russian).
11. Russian Federation. (2021) Postanovlenie ot 30 iyunya 2021 g. № 1087 (red. ot 23 dekabrya 2021 g.) "Ob utverzhdenii Polozheniya o federal'nom gosudarstvennom stroitel'nom nadzore" [Decree No. 1087 dated June 30, 2021 (as amended on December 23, 2021) "On the Approval of the Regulation on Federal State Construction Supervision"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 28 (1). Art. 5517.

12. Abakumova, E.B. (2023) O nekotorykh pravovykh problemakh gosudarstvennogo kontrolya predprinimatel'skoy deyatel'nosti [On Some Legal Problems of State Control of Business Activities]. *Vestnik arbitrazhnoy praktiki*. 4. pp. 14.
13. Russian Federation. (2021) Ukaz ot 4 fevralya 2021 g. № 68 "Ob otsenke effektivnosti deyatel'nosti vysshikh dolzhnostnykh lits (rukovoditeley vysshikh ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti) sub"ektov RF i deyatel'nosti organov ispolnitel'noy vlasti sub"ektov RF" [Decree No. 68 dated February 4, 2021 "On Assessing the Effectiveness of the Activities of Senior Officials (Heads of the Highest Executive Bodies of State Power) of the Subjects of the Russian Federation and the Activities of the Executive Bodies of the Subjects of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 6. Art. 966.
14. Russian Federation. (2020) *Porucheniya ot 1 marta 2020 g. № Pr-354 po itogam zasedaniya Soveta pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po razvitiyu mestnogo samoupravleniya* [Instructions No. Pr-354 dated March 1, 2020 following the meeting of the Council under the President of the Russian Federation for the Development of Local Self-Government]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru>
15. Russian Federation. (2020) Postanovlenie ot 16 noyabrya 2020 g. № 1844 (red. ot 9 dekabrya 2023 g.) "Ob utverzhdenii Pravil predostavleniya subsidii iz federal'nogo byudzheta avtonomnoy nekommercheskoy organizatsii po razvitiyu tsifrovyykh proektov v sfere obshchestvennykh svyazey i kommunikatsiy "Dialog Regiony" na sozdanie i obespechenie funktsionirovaniya v sub"ektakh RF tsentrov upravleniya regionov i Pravil sozdaniya i funktsionirovaniya v sub"ektakh RF tsentrov upravleniya regionov" [Decree No. 1844 dated November 16, 2020 (as amended on December 9, 2023) "On the Approval of the Rules for Granting a Subsidy from the Federal Budget to the Autonomous Non-Profit Organization for the Development of Digital Projects in the Field of Public Relations and Communications 'Dialog Regiony' for the Creation and Operation of Regional Management Centers in the Subjects of the Russian Federation and the Rules for the Creation and Operation of Regional Management Centers in the Subjects of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 47. Art. 7545.
16. Pravo.gov.ru. (2020) *Decree No. 179 dated October 14, 2020 "On the Creation and Operation of a Regional Management Center in Altai Krai"*. [Online] Available from: <http://www.pravo.gov.ru> (In Russian).
17. Sergeev, A.L. (2017) Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie reformy obrazovaniya v Rossii: problemy i perspektivy [Constitutional and Legal Regulation of Education Reform in Russia: Problems and Prospects]. *Lex russica*. 2. pp. 223–228.
18. Sheveleva, N.A. & Vasil'ev, I.A. (2019) Otsenka deystviyushchey modeli subsidirovaniya gosudarstvennogo zadaniya podgotovki kadrov po urovnyam vysshego obrazovaniya [Assessment of the Current Model of Subsidizing the State Task for Personnel Training at Higher Education Levels]. *Finansovoe pravo*. 12. pp. 6–13.
19. Suleymanova, F.O. (2016) Reformirovanie sistemy oplaty truda v byudzhetnoy sfere (na primere meditsinskikh rabotnikov) [Reforming the Remuneration System in the Public Sector (on the Example of Medical Workers)]. *Yustitsiya*. 4. pp. 8–18.
20. Rosstat. (2013) Order No. 445 dated November 14, 2013 "On the Approval of the Regulations on Bonuses, Setting a Surcharge to the Official Salary for Special Conditions of Civil Service, Providing Material Assistance and Other Payments to Federal State Civil Servants of the Federal State Statistics Service". *Rossiyskaya gazeta*. 5 February 2014.
21. Rospotrebnadzor. (2009) Order No. 298 dated March 23, 2009 (as amended on November 11, 2020) "On the Approval of the Regulations on the Procedure for Paying a Monthly Surcharge to the Official Salary for Special Conditions of Federal State Civil Service, Bonuses, Providing Material Assistance, Paying a One-Time Incentive for Impeccable and Effective Civil Service and a One-Time Payment When Granting Annual Paid Leave". *Rossiyskaya gazeta*. 29 April 2009. (In Russian).
22. Letunovskiy, V.V. & Ageev, A.A. (2021) Nekotorye problemy realizatsii meropriyatiy "regulyatornoy gil'otiny" [Some Problems of Implementing the "Regulatory Guillotine" Measures]. *Administrativnoe pravo i protsess*. 1. pp. 34–42.
23. Evdokimov, A.S. & Nadezhkina, G.P. (2022) "Regulyatornaya gil'otina", sovershenstvovanie sistemy obyazatel'nykh trebovaniy kak napravleniya reformirovaniya kontrol'noy i nadzornoy deyatel'nosti Rossii ["Regulatory Guillotine", Improving the System of Mandatory Requirements as Directions for Reforming Russia's Control and Supervisory Activities]. *Administrativnoe pravo i protsess*. 5. pp. 19–23.
24. Lyubimov, Yu. et al. (2019) Regulyatornaya gil'otina [Regulatory Guillotine]. *Zakon*. 2. pp. 20–36.
25. RF State Duma. (2023) *V Gosudarstvennoy Dume proshel "pravitel'stvennyy chas" s uchastiem Dmitriya Grigorenko* [The State Holds a "Government Hour" with the Participation of Dmitry Grigorenko]. 12 July. [Online] Available from: <http://duma.gov.ru/news/57495/>
26. Avak'yan, S. (2006) Parlamentarizm v Rossii: idei i resheniya [Parliamentarism in Russia: Ideas and Solutions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*. 2. pp. 3–19.
27. Alizoda, Z. (2012) K voprosu o ponyatii i priznakakh parlamentarizma [On the Concept and Features of Parliamentarism]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 5. pp. 55–60.
28. Congress. (2023) *The Government Performance and Results Act of 1993 (GPRA)*. [Online] Available from: <https://www.congress.gov/bill/111th-congress/house-bill/2142/text?overview=closed> (Accessed: 21.08.2023).
29. Isaev, M.A. (2021) Modernizatsiya material'noy konstitutsii: opyt Norveгии [Modernization of the Material Constitution: The Experience of Norway]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law]. 1. pp. 105–114.
30. Skirbekk, G. (2017) *Norvezhskiy mentalitet i modernost'* [Norwegian Mentality and Modernity]. Moscow: ROSSPEN.
31. Mogunova, M.A. (2001) *Skandinavskiy parlamentarizm: teoriya i praktika* [Scandinavian Parliamentarism: Theory and Practice]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr RGGU.
32. Endicott, T. (2021) The Purpose of a State. *The American Journal of Jurisprudence*. 66 (1). pp. 69–83. doi: 10.1093/ajj/auab007
33. Khosla, M. & Tushnet, M. (2022) Courts, Constitutionalism, and State Capacity: A Preliminary Inquiry. *The American Journal of Comparative Law*. 70 (1). pp. 95–138. doi: 10.1093/ajcl/avac009

Информация об авторе:

Коновалова Л.Г. — канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: vaskova82@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.G. Konvalova, Cand. Sci. (Law), associate professor, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: vaskova82@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.06.2024;
одобрена после рецензирования 11.07.2025; принята к публикации 31.07.2025.

The article was submitted 28.06.2024;
approved after reviewing 11.07.2025; accepted for publication 31.07.2025.